

**Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики**  
**ГУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики»**  
**ГУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики»**

**«Во славу Отечества Российского...»**

**Материалы Архивных чтений, посвященных 200-летию  
ижевского оружия**

**26 октября 2007 г.  
Ижевск**

**Ижевск  
2008**

### **Редакционная коллегия:**

**Н.К. Коробейникова** – председатель Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики,

**Н.Г. Пушкарёва** – зам. председателя Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики,

**Н.В. Василечко** – директор ГУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики»,

**Е.М. Ушакова** – директор ГУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики»,

**С.В. Чучалов** – начальник организационно-аналитического отдела Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики

**Ответственный составитель: А.Б. Дерюшев** – начальник отдела информации и публикации документов ГУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики»

**«Во славу Отечества Российского...»:** Материалы Архивных чтений, посвященных 200-летию ижевского оружия/ГУ «Центр документации новейшей истории УР». – Ижевск, 2008. – 124 с.: ил.

В сборнике представлены тексты докладов и выступлений участников Архивных чтений, состоявшихся 26 октября 2007 г. в ГУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики».

Сборник предназначен для преподавателей, студентов и аспирантов вузов, научных, архивных и музейных работников, краеведов.

известность и славу и заняло ведущее место в летописи российского оружейного дела.

Сегодня Удмуртия, благодаря мастерству ижевских оружейников, – один из крупнейших оборонных центров России и два значимых юбилея 2007 года – 200-летие ижевского оружия и 60-летие АК-47 – вместе с ижевскими оружейниками широко отмечает и Ижевск, и Удмуртия, и Россия.

***Е.Ф. Шумилов***  
***УдГУ***

**«Царские кафтанчики» как символ Ижевска:  
мифы и реалии**

Ижевский оружейный завод изначально (с 1807 г.) играл роль самого мощного цивилизационного (а с конца XIX в. всё определённое ещё и политического) центра для обширного региона. Уже поэтому сложившаяся здесь уникальная наградная система должна представлять большой исторический интерес.

Самым ярким, узнаваемым, человечным символом старого Ижевска стоит считать не какую-либо заводскую машину (механизм) или здание, а группу совершенно по-особому, по-ижевски выглядящих лучших заводских людей. С 1819 по 1915 г. их удостоивали «мастерового кафтана с золотым галуном». Первым мифом является то, что это исключительно оружейники. Кафтанчиками однако становились также металлурги, подсобные рабочие, мелкие заводские служащие и даже двое сельских старост в селениях «непременных работников» завода. Всего удалось выявить 525 честных тружеников, умножавших славу города-завода.

Награду им вручали по представлению начальника завода, по следующему представлению Великого Князя генерал-фельдцейхмейстера и, нако-

нец, указу царя. Поэтому таких ижевцев часто неофициально называли «царскими кафтанщиками».

Завод почти всегда был казённым, поэтому все его работники независимо от их заслуг считались состоящими на «коронной службе». Переход ижевцев на неё в начале правления Екатерины II воспринимался как благо настолько, что день святой Екатерины-великомученицы стал неформальным заводским праздником – выходным днём. Кафтаны от имени царя продолжали присуждать и в период частной аренды казённого оружейного завода (1867–1884).

Ярким свидетельством роста ижевского патриотизма явилось торжественное открытие 4 августа 2007 г. величественного мемориала в честь ижевских оружейников. В центре его скульптурное изображение двух кафтанщиков в полном наряде. Со временем рядом с мемориалом должны появиться плиты с перечислением всех кафтанщиков, а это самые характерные ижевские фамилии. Современные носители их будут искать и узнавать своих предков.

Путь к данному мемориалу, выражающему коренную суть города-завода, оказался трудным и долгим. В советский период упоминания об ижевских кафтанщиках были случайны и имели исключительно негативный характер. Характерно, что известный оружейник П.В. Алексеев (1872–1968) всячески скрывал факт получения им кафтана в 1910 г., но зато в начале 1950-х годов, когда хлопотал о персональной пенсии, вдруг «вспомнил», что в ноябре 1918 г. он якобы в одиночку создал знаменитую минивинтовку в подарок В.И. Ленину. Обвинять бывшего кафтанщика невозможно – он был загнан в такую ситуацию.

Первая доброжелательная, объективная журнальная публикация об ижевских кафтанщиках появилась только в 1989 г.<sup>1</sup> Через 13 лет был опубликован первый, ещё не во всём полный свод их имён<sup>2</sup>. В начале XXI века об уникальной ижевской наградной системе появились и зарубежные исследо-

---

<sup>1</sup> Шумилов Е.Ф. Ижевские кафтанщики // Уральский следопыт. 1989. № 10.

<sup>2</sup> Шумилов Е.Ф. Город оружейников. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2002. С. 484–496. Второе, исправленное и дополненное издание – Ижевск, 2007.

вания<sup>1</sup>. Ижевской, отечественной истории оказалось возвращено целое «состояние» изъятых из неё мастеровых людей. Главным историческим источником при этом были наградные документы Ижевского оружейного завода<sup>2</sup>.

К сожалению, одновременно с «реабилитацией» лучших мастеровых людей практически во всех СМИ Ижевска велась кампания по принижению и осмеянию кафтанщиков. Единственным толчком к этой лавине дезинформации послужило ничем не подтверждаемое суждение о том, что якобы кому-то когда-то кафтан напомнил крокодила<sup>3</sup>. Монументальным итогом этого далеко не безобидного мифотворчества явился антиисторический по сути и антихудожественный по форме «Памятник крокодилу» на той же – Советской (Троицкой) улице. Главная городская ось, имеющая огромное историческое значение, стала соединять два полюса: История и шутовство, реальность – и новейшее мифотворчество, патриотизм – и циничное высмеивание предков, высокое искусство ансамбля – и «постмодернистская» анархия, поскольку это чудовище воткнуто на центральную магистраль, вне ансамбля, без всякого согласования с градостроительным советом.

Что же такое мастеровой кафтан? Как он выглядел, что символизировал и что ему предшествовало? Это специфическая народная награда, отличавшая наш город-завод от всех иных городов Урала. Прообраз кафтана бесспорен. Знаками трудового отличия у ижевцев первоначально служили только серебряные и золотые нашивки на парадной одежде оружейников. Это был своеобразный аналог ряду нашивок на одежде военнослужащих, а оружейники таковыми и являлись. Постепенно нашивки перешли в иной форме на наградные кафтаны.

---

<sup>1</sup> Тилландер-Гуденъелм У. Русская императорская наградная система. Хельсинки, 2005 (на англ. языке).

<sup>2</sup> ЦГА УР, ф. 4 (около 100 архивных дел) и архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 3.

<sup>3</sup> «Крокодилами» на рубеже XIX–XX вв. вятские журналисты недолго подраживали самым тёмным и суеверным обитателям ижевских окраин. К рабочей элите это оскорбление никогда не относили (Подробнее: Шумилов Е. Ф. Город на Иже. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 138). Зоопсия (т.е. болезненное, суеверное «видение» различных зверей) причудливо переплелась позже с представлениями ряда удмуртских язычников (и неязычников) о некоем подземном ящере Оше (Оже?). Отсюда и одна из топонимических версий: Ож-Иж-Ижевск.

При встрече Александра I в 1824 г. инспектор завода (т.е. высшее должностное лицо здесь), генерал-майор Е.Е Грен приказом по заводу повелевал: «Мастерам оружейных изделий, ежели имеются отличные кафтаны, быть одетыми в них»<sup>1</sup>. Отличные в данном случае значит «отличительные», выделяющие неких «отличнейших» оружейников.

Отличали кафтаны ещё и упомянутые выше «нашивки из золотой тесьмы за беспорочную выслугу лет». Прослужившим во славу ижевского оружия десять лет полагалась одна такая нашивка на левом рукаве, остриём угла направленная вниз. За пятнадцать лет – две, двадцать – три. Весной 1861 г., например, таким образом наградили 52 ижевца. Это в основном плотники, кузнецы, слесари, сторожа... В числе последних был младший вахтёр Никита Зарубин. На завод он пришёл пятнадцатилетним – в 1831 г., затем долго работал молотобойцем, а когда совсем подорвал здоровье, оказался переведён в охрану. Летом 1852 г. одной нашивки удостоился и 27-летний кузнец из инструментального цеха Илья Игнатьевич Игнатьев. Но все они – это, так сказать, «полукафтанщики». Кстати, одеяния вахтёров, те что с нашивками, так и называли полукафтанам. Они были тогда даже и у офицеров.

Кто был первым кафтанщиком? Установить его имя по архивным документам не удалось. Но пока нет более ранних сведений, чем о Григории Никифоровиче Старкове (1772–1841) и Андрее Григорьевиче Светлолобове (1781–1843). Оба получили от Высочайшего имени свои награды в 1819 г. Светлолобов 16 декабря. Старков, может быть, и пораньше. Он старше. Оба из мастеровых детей. Первый заступил на коронную службу восемнадцати лет от роду комплектным работником. Затем стал механическим учеником. С 1813 г. он машинный мастер. Второй пришёл в кричный цех в шестнадцать лет. С 1810 г. – старший кричный мастер<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 101.

<sup>2</sup> АВИМАНВС, ф. 3, оп. 5, часть I, дд. 278, 292.

В начале 1827 г. Е.Е. Грен ходатайствовал перед инспектором оружейных заводов империи «о награждении русских мастеров кафтанам». По инстанции дело было доложено генерал-фельдцейхмейстеру Великому Князю Михаилу Павловичу, но конкретные имена остаются неизвестны.

Следующие по времени бесспорные кафтанчики появились только в 1834 г. 11 июля высочайшее распоряжение даровало «кафтан тёмно-зелёного сукна, обшитый золотым галуном и шнуром», Ивану Васильевичу Градобоеву (1786–1842). Он из крестьян. На заводе с 1805 г. Позже мастер и браковщик на отделке стволов.

Через четыре года Государь удостоил кафтаном Марко Колмогорова и Алексея Николаевича Чернова (1798–?). Последний из крестьян. С 1818 г. трудился на всех мастерствах цеха белого оружия.

Эпоха Николая I известна непомерной бюрократизацией и военизацией всего и вся. Огромное внимание уделялось форменной одежде. Мундирами оказалось охвачено и заводское простонародье. По особому закону, зафиксированному в «Своде» их от 1832 г., на погонах мундиров, курток и шинелей, а также на околышах фуражных шапок все нижние чины Ижевского завода должны были носить сокращённое наименование завода: ИОЗ.

Известна книга «Описание перемен в форменной одежде кадетов и вольнослужащих Корпуса горных инженеров, генералов, штаб- и обер-офицеров сего же ведомства, кондукторов и мастеровых, принятых по указу Его Императорского Величества в 1834 г.». Ижевский завод подчинялся уже не горному ведомству, а Артиллерийскому департаменту (Главному артиллерийскому управлению), но отдельные формы горной одежды по традиции использовали и на Иже. Особая глава «Наградной кафтан» описывает это одеяние так: «Длина на два вершка ниже колен, почти чёрное сукно... Поперечные нашивки из золотого галуна»<sup>1</sup>.

Строго определённый фасон установился далеко не сразу. В 1846 г. член императорского кабинета Н. Петухов объяснял чинам Артиллерийского

---

<sup>1</sup> Ук.соч. С. 4.

департамента, каким всё же должно строить ижевский мастеровой кафтан: «Рисунка или образца не имеется, а шьются таковые по образцу обыкновенных русских кафтанов с сборками под талию назади, но отличаются от обыкновенных кафтанов стоячим, закруглённым на углах воротником, который обшивается галуном, равно обшлага, полы и кругом подола»<sup>1</sup>.

Через двенадцать лет упомянутые выше нашивки у «горняков» отобрали, оставив их только оружейникам как отличительный признак именно их наградных кафтанов. Горный же кафтан (в том числе для воткинцев) укоротился до колен, получив вид сюртука. В 1883 г. его ещё укоротили – до середины бедра. Прежние золочёные пуговицы с орлами и царскими вензелями были отменены, но зато ненадолго вернулись «нагрудные галунные нашивки 25,4 см длиной, шириной 1 дюйм, на концах кисточки из золотой бахромы».

Поэтому ижевский мастеровой кафтан всё же и внешне иной, и более престижен, чем горные и иные кафтаны (простые, почётные, наградные). Главное в том, что он царский и полный – длинный и с цилиндром в комплекте. Настолько экзотичны и живописны были ижевские кафтаны, что бородатых, важных оружейников, сверкающих золотом, серебром и шёлком, приезжие принимали за каких-то декоративных стрелцов времён царя Алексея Михайловича. Это, кстати, вполне отвечало вкусам заводчан, влюблённых в отечественную историю. Они предпочитали в заводском театре исторические постановки, а в заводской библиотеке историческую литературу.

13 ноября 1852 г. Николай I повелел оружейникам через инспектора оружейных заводов генерал-лейтенанта Весселя: «Шить и украшать всемилостивейше жалуемые оружейникам кафтаны по прилагаемому рисунку, не требуя никакой прибавки к материалам, ныне отпускаемым кабинетом Его Величества. Кафтанам этим, как не сходным с называемыми в законе: простыми, почётными и наградными – присвоить название мастерских... и проводить в каждый оружейный завод по одному экземпляру рисунка»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 725.

Тогда же Вессель утвердил акварельный эскиз кафтана, долго служивший образцом портным. Однако и разнобой в готовых изделиях всё же случался.

Через пять лет в указе Александра II будет особо прописано: «Кафтаны мастерские жалуются отличнейшим оружейникам Тульского, Сестрорецкого и Ижевского заводов за усердие и искусство». Ниже категорией считались кафтаны почётные («жалуются крестьянам, волостным головам за беспорочную службу») и нарядные.

Облачение в мастерской кафтан давало ижевцам нечто, сравнимое с получением иммунитета. Царский указ гласил: «Лица по состоянию своему не изъятые от наказаний телесных, но награждённые кафтаном, подвергаются наказаниям телесным только в тех случаях, когда они лишаются всех прав состояния или заключаются в смиренные дома. Могут лишаться пожалованного им кафтана не иначе как по суду уголовному, с Высочайшего соизволения. Отсылаются кафтаны в сём случае в Кабинет Его Императорского Величества или по принадлежности в Министерство Государственных Имуществ»<sup>1</sup>. Известны случаи, когда за те или иные проступки заводчан лишали наградных нашивок на обычной, ненаградной одежде. Но про лишение кафтанов архивные источники отсутствуют.

Наказания всё же применялись. Отдельщика стволов Давида Абрамовича Крысова в мае 1842 г. наградили кафтаном за высокое искусство, проявленное во время «трудового десанта» на Сестрорецкий оружейный завод, а герой через полгода запил! Кафтан не отобрали. Просто посадили ствольщика на гауптвахту.

Другой пример. В 1864 г. кузнец цеха белого оружия Василий Петрович Папулов, уже десять лет бывший кафтанщиком, несколько раз подряд не явился на работу, пьянствовал... Командир завода Д.С. Фролов сажал его ненадолго под арест, но всё повторялось. Предать же кузнеца суду, перевести в разряд штрафников и наказать более серьёзно, в том числе розгами, было

---

<sup>1</sup> Свод законов Российской Империи. т. VII. СПб., 1857. С. 169.

нельзя из-за кафтана. В конце концов полковник заключил нарушителя под арест на хлеб и воду на две недели.

Указы о кафтанах обычно подписывали в первый день Пасхи, чтобы доставить православным труженикам особую радость. Награждали и медалями, в том числе золотыми, но звание кафтанщика значительно весомее. Это уникальное, специфически ижевское явление. Нигде на Урале таковых наград больше не было и это истинно народная награда. С медалями на груди или на шее по городу Ижа или пришедшему ему на смену селу Ижевскому могли в принципе разгуливать и разночинцы, то есть купцы, чиновники и прочие. Наконец, кафтан считался среди простонародья более желанной наградой, поскольку строили его за счёт казны. За медаль же приходилось отчислять из зарплаты в инвалидный капитал по семь с половиной рублей за серебряную и 30 рублей за золотую медаль. Рабочие иногда отказывались от лестной, но обременительной награды. Про отказы же от кафтанов архивные дела умалчивают.

В соответствии с марксистским стереотипом оружейники якобы обращались друг к другу «Товарищи!», мечтая только о «волнениях» и забастовках. Однако, по устным свидетельствам, самые искусные оружейники обращались друг к другу «Господа». Все без исключения оружейники (во всяком случае до 1905 г.) в положенные дни отправлялись в заводской собор Александра Невского или заводскую мечеть, чтобы искренно молиться за здоровье членов правящей династии.

Помимо того, что претендент на кафтан должен был образцово трудиться, думая о выгодах казны и предлагая усовершенствования, он не должен был прежде подвергаться штрафам или иным наказаниям. Но нет безгрешных. Заводские власти часто проявляли гуманность. Кузнеца Дмитрия Федотовича Бадьина в 1831 г. пришлось наказать 100 ударами палок за кражу пары клещей и прочей мелочи, что не помешало через десять лет поощрить его за искусство и трудолюбие кафтаном.

Судя по наградному листу 1865 г., Федота Ивановича Никитина наказали в 1851 г. 70 ударами розог за отлучку из фабрики. На следующий год он вообще угодил под суд за изнасилование соседской жены Марфы Даниловой. Успехи его в ложевой мастерской однако оказались столь высоки, что сам генерал-фельдцейхмейстер заступился за Никитина, разрешив «не считать сие препятствием к получению награды».

Кафтанщики пользовались непререкаемым авторитетом. Им доверяли во всём. Многие кафтанщики, примерно каждый четвёртый, по выбору общества становились артельщиками, старшинами и старостами в своих цехах. Более того, во второй трети XIX в. некоторых также избирали «доверенными от общества оружейников по постройке вновь и исправлению мостов и тротуаров, состоящих в заводском селении, и по раздаче жалованья штатным и сверхштатным чинам по всему округу заводского управления». Их также называли: «избранные от общества при совещании в общественных делах и учинении приговоров». Если короче, то это совещатель, а если на современный лад, то «депутат».

Конкретные начальники награждение подчинённых кафтанами рассматривали как вопрос престижа для коллектива своего цеха или участка. «Награждение Павла Осиповича Чернышева подаст повод другим его товарищам смотреть на работы по преобразованию гидравлических сооружений не как на последнее дело или ремесло, а как на дело главное и особенно необходимое для завода, без которого заводская деятельность развиваться не может». Так инженер-технолог Н.А. Галкин, ответственный за всю заводскую гидротехнику, повторно ходатайствовал за своего столяра в 1864 г. Через два года П.О. Чернышев всё же получил кафтан. «...И для меня награда, хоть одного моего подчинённого», — заключил инженер<sup>1</sup>.

Причудливые по крою кафтаны строили подобно машинам и станкам. 8 декабря 1838 г., например, смотритель провиантского магазина и Арсенала чиновник Алексеев предъявил счёт: «Вследствие предписания Правления от

---

<sup>1</sup> ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 1569.

17 ноября построен находящимися в ведении моём портными в свободное от казённых работ время кафтан, всемилостивейше пожалованный мастеровому М.Л. Колмогорову. За шитьё, иголки, крючки для трёх человек получить полагается 8 рублей».

В 1865 г. большинство кафтанов построил из столичных материалов сарапульский мещанин Абрам Мошевитин, живший в Ижевске. За работу он брал три рубля, строго придерживаясь фасона на эскизе. По бортам, обшлагам и вороту всегда пускали витой шнур и полуторадоймовый золотой галун, а на грудь пять разговоров. Большой наряд первостатейного оружейника с Ижа включал также чёрный цилиндр с золотым ободком, сапоги, трость, перчатки и две-три медали на муаровых лентах.

Семиотическая нагруженность полного комплекта наградной одежды безусловна и многогранна.

Во-первых, значение имел цвет. Как известно, мундиры офицеров своих первых гвардейских полков Пётр I повелел шить из зелёного сукна, обшитого золотым позументом. Возможно, при Александре I, когда зародилась идея «мастерового кафтана с золотым галуном», сориентировались именно на те мундиры. Формировалась мастеровая «гвардия» — рабочая элита.

Значение имело и количество полос золотого галуна на груди. Их всегда пять — и это развивало символику упоминавшихся выше нашивок на рукаве, хотя совсем не обязательно данному мастеровому полвека отроду или же он отработал столько лет на заводе.

Символичен также общий полувоенный облик парадного одеяния искуснейшего оружейника, дисциплинированного обитателя своеобразного «военного поселения». Ему необходима была ещё более дисциплинирующая униформа, подчёркивающая иерархическую субординацию обитателей города Ижа.

Кафтан (особенно в комплекте с цилиндром) напоминал ещё и придворный мундир, например, камер-пажа. Правда, последнего отличало большее число рядов золотого галуна: тринадцать. Данное сходство закономерно.

Подчёркивалось нахождение оружейников на коронной службе. Это ещё и своего рода «боярская шуба с царского плеча».

Политический оттенок иногда приобретало наличие цилиндра. После 1789 г. высокие цилиндрические шляпы стали восприниматься во Франции как проявление революционного духа, а в Америке как символ независимости от метрополии. Павел I даже запретил ношение всех без исключения круглых шляп и цилиндров. С ослушавшимися высочайшего указа предписывалось не церемониться – бить по «свободолюбивой» голове. При последующих же революционных смутах, цилиндры становились самыми яркими атрибутами карикатурных «капиталистов». Видно ещё поэтому отдельные кафтанчики стыдливо заменяли цилиндры незатейливыми картузами.

Среди мифов, закрепившихся вокруг кафтанчиков, убеждение, будто бы все они некие дряхлые старики, поскольку, мол, вручали эту награду почти автоматически за полвека службы. Но кафтаны не являлись обязательным приложением к пенсии, а давались за конкретные заслуги, причём часто вполне молодым оружейникам.

Например, в 1863 г. одарили кафтаном 27-летнего отдельщика штыков А.С. Башкова. На год старше были сверлильщик замочных частей Е.Я. Сапожников, ставший кафтанщиком в августе 1839 г., и ложейник И.А. Бушков – в феврале 1855 г. По 29 лет было А.С. Коневскому, А.И. Митюкову, М.Е. Мухлынину, А.Е. Овчинникову, Г.Е. Фёдорову и Г.Л. Шарыпову.

Бесспорные документы свидетельствуют также о том, что было 13 тридцатилетних ижевцев-кафтанчиков: Д.Ф. Аввакумов, Д.Ф. Бадьин, М.Г. Гребенщиков, Г.Ф. Двоглазов, Д.А. Дубровин, Д.А. Крысов, Е.З. Малков, Ф.П. Миронов, Р.К. Молошников, П.М. Наговицын, С.И. Подоскин, Н.Ф. Федосов, И.Д. Щелкогонов. 32-летними были В.И. Быков, Л.М. Гырдымов, А.М. Дубровский, И.В. Лямин, А.С. Макин, В.П. Меньших, И.С. Могирёв, А.Д. Мусихин, С.Л. Невоструев, М.Я. Порубов.

Никакой национальной и религиозной дискриминации при награждении рабочих не наблюдалось. Кафтанщиками стали, например, двенадцать мусульман: Г. Абдрафиков, С. Абдрафиков, А.А. Апсаямов, М-А. Апсаямов, Л. Бикмансуров, И.А. Бузиков, Г. Губайдуллин, А. Иванов, И.М. Исков, Х.И. Миногулеев, А.М. Мухаметов, Л. Шаймурзин. О том, что они татары или башкиры, можно судить по именам и фамилиям.

Среди кафтанщиков 510 православных - «синодалов» и два православных старообрядца: единоверец и белокриницкой («австрийской») иерархии. Впрочем, старообрядцев в общем списке кафтанщиков может быть и больше. Зато язычников, разумеется, там не было и быть не могло. К индустриальному труду и городской жизни они абсолютно не предрасположены.

В исключительных случаях ижевцы награждались кафтанами дважды: отделищик ружейных замков Д.Ф. Аввакумов – в 1864 и 1898 годах, старшина ложейников Г.Т. Пинаев – в 1864 и 1866 годах, кузнец Ф.Ф. Шестаков – в 1851 и 1860 годах.

После освобождения в 1867 г. от обязательного труда на заводе прежние кафтаны могли, казалось бы, считаться чужеродными. Они могли напоминать о крепостных порядках при военизированном, обязательном труде на оружейном заводе. Но ижевцы продолжали воспринимать традиционную награду с осознанием своеобразной сословной чести. Коронная служба продолжалась. Особую гордость пробуждало то, что списки награждаемых печатались в столичном «Правительственном вестнике». Правда, не все были грамотны, да и из грамотных никто не выписывал эту газету, но важно уже само осознание того, что ты «попал в историю».

В 1868 г. Александр II удостоил кафтанами сразу 32 ижевских оружейников. Очевидно, это была некая компенсация за прежний крепостной труд. Выдвижение ветеранов началось ещё за год. Управляющий заводом рапортовал инспектору оружейных заводов 27 февраля 1867 г.: «Некоторые из браковщиков, оружейников и мастеровых вверенного мне завода, бывших в обязательных отношениях к заводу, по хорошему поведению, отличному усер-

дию и исполнению служебных обязанностей обращают на себя особенное внимание начальства, поэтому вполне достойны поощрения»<sup>1</sup>.

Иван Трифонович Козлов, например, был отмечен «за тщательную отделку ложей, искусную лакировку стволов и штыков». Замечу, что в ложевой мастерской отделялись и металлические части ружья. Именно там оно приобретало законченный вид. Случались и накладки. Например, в том списке кандидатов на поощрение кафтаном оказались два тяжело больных человека. Вскоре после царской милости они скончались. Это «слесарь при работах по части гидравлической» Фёдор Мельников и «заделщик ложевой мастерской» Василий Двоеглазов. Поэтому «материалы на кафтан и деньги на постройку одного получила жена умершего». Это каждому 5 аршин сукна, 13 – золотого галуна, 10 – золотого шнура, 7 – ланкорда на подкладку.

Все те 32 кафтана в мае 1868 г. взялся построить проживавший тогда в Ижевске динабургский мещанин Залман Зубин, запросив по 52 рубля за штуку. Сарапульский купец первой гильдии Захар Попов попробовал сбить общую сумму заказа на 200 рублей, но опоздал. К декабрю 1868 г. заказ был исполнен. Через восемь лет шитьё кафтанов обходилось уже в 60 рублей.

Столичные генералы, видно, считали кафтаны более соответствующими рангу рабочих, чем медали. Например, летом 1874 г. заводская власть составила наградной список лиц, «которые отличились особенною деятельностью», в результате чего завод, «окончив все постройки и приспособления, приступил к валовой выделке оружия». В списке преобладали офицеры, но были также шестеро браковщиков – сельских обывателей и один мастер – мещанин. Для них испрашивали серебряные медали. Однако в мае следующего года Александр II по представлению Главного артиллерийского управления заменил эти медали на кафтаны, хотя все офицеры получили своё золото и серебро.

Новыми кафтанщиками стали браковщики стволов и инструментов Фёдор Ведерников, Владимир Гребенщиков, Павел Евсеев, Сергей Ильин,

---

<sup>1</sup> ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 1968.

Ермолай Малков и Кирилл Пупков, а также мастер лекально-инструментальной мастерской Алексей Дубровский. Кстати, расход в 450 рублей по «строительству семи почётных кафтанов и семи шляп» пришлось принять самому арендатору завода Людвигу Нобелю. В мае 1876 г. с гольянской пристани уже доставили два трёхпудовых ящика с этими изделиями от санкт-петербургского купца второй гильдии Арсения Горшкова.

Уникальный случай: однажды орден впервые достался и кафтанщику. Это орден Станислава 3-й степени. В 1883 г. Александр III удостоил им Льва Прокопьевича Бахмутова, которого за двадцать лет до того Александр II наградил кафтаном. Правда, ижевец этот уже был не рядовым чертёжником, а артиллерийским чиновником, титулярным советником – хотя и при кафтане.

Последние случаи награждения относятся к 1915 г. В годы гражданской войны своеобразным «эхом» прежних наград стали «революционные кожанки» для лучших оружейников Ижевского завода.

*Т.А. Васина*  
*ГУ УИИЯЛ УрО РАН*

### **Книги регистрации родившихся, умерших и вступивших в брак как источник по исторической демографии заводского населения<sup>1</sup>**

Фонд 4 «Ижевские оружейный и сталелитейный заводы» ЦГА УР содержит важный источник по исторической демографии жителей заводского поселка. Это «книги регистрации родившихся, умерших и сочетавшихся браком», составлявшиеся Ижевской заводской полицией с целью учета населения. Книги содержат факты рождений, смертей и венчаний, имевших место

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Типология семьи заводского населения XIX в. (по материалам Камских заводов)», проект № 06-01-80101 а/У.